

ОТПРАВНЫЕ ИДЕЙНЫЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НАЧАЛА ОРАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕОРГИЯ КОНИССКОГО

В статье анализируются программные идейные установки и эстетические принципы ораторской деятельности белорусского святителя Георгия Конисского, реализованные им в первом выступлении на Белорусских землях в г. Могилеве – «Слове при вступлении на паству».

В XIX столетии святитель Георгий Конисский (1717–1795 гг.), архиепископ Могилевский и Белорусский, был достаточно известен не только как один из православных просветителей XVIII века, но и как оратор-проповедник. Сохранилось более 70 его ярких проповедей и речей; речь «Оставим астрономам доказывать...», обращенная к Российской императрице Екатерине Второй, долгое время была представлена как образец путевого приветствия в российских риториках того времени.

На белорусских землях Георгий начал свою проповедническую деятельность с первого же дня своего приезда в г. Могилев в 1755 г. Первой проповедью, произнесенной Конисским с Могилевской епископской кафедры, является «Слово при вступлении на паству». Это произведение занимает особенное место в его творчестве и носит выраженный программный характер и в идейном, и в художественно-стилевом отношении.

Георгий посвящает «Слово...» рассказу «о себе самом», однако рассказ этот приобретает в его устах своеобразный ракурс: он не говорит о своем происхождении, не знакомит «благочестивых слушателей, Христовых людей», как он уважительно обращается к новой пастве, с фактами своей блестящей карьеры в Киевской духовной академии, поскольку вслед за апостолом Павлом считает самохвальство перед лицом Бога грехом, достойным наказания и посрамления [1 Кор. 1. 26–29]. Главной темой слова Георгий избирает иное – раскрытие перед паствой своего воззрения на сущность «должности» епископа.

Эта должность, с точки зрения Георгия, прежде всего есть должность учительская, вмещающая в обязанность пастырю, как всякому наставнику, обладание теми знаниями и умениями, которые он призван передать своим ученикам. Для церков-

ного деятеля – это навыки высоконравственного поведения. Уча людей жить по заповедям, духовный наставник должен сам быть нравственно совершенен, соблюдать их, чтобы не попасть в постыдное положение врача, которому советуют вначале исцелить себя самого. Именно поэтому Георгий, как истинный христианин, опытный проповедник и тонкий психолог, адресует первые свои слова о необходимости нравственного совершенства не к слушателям, а к самому себе, он риторически обращается к своему слуху, разуму, сердцу, всему человеческому эстетству, призванному «затвердить и запечатлеть», каким должен быть епископ.

Конисский строит проповедь последовательно, как логически грамотную ораторскую речь. Вслед за вступлением, привлечшим к речи внимание слушателя, и формулировкой главного тезиса – «епископ есть учитель-проповедник» – Георгий раскрывает и доказывает основную мысль на примере образов Ветхого, Нового Завета и Священного Предания.

Наилучшим ветхозаветным примером Конисскому представляется опыт пророческий. Он активно цитирует из 33 главы Книги пророка Иезекииля, в которой находит символический образ стража, уберегающего народ от грядущего на землю «меча», служащий олицетворением пророка, спасающего людей от кары за грех проповедью Божественного слова. Пророк несет на себе особую ответственность, долг его – проповедовать, воля людей – исполнять, и если он проповедует, а они не исполняют – «кровь их» (в значении «грех» и ответственность за него) не взыскивается со стража, но если он не проповедует и грешники погибают во грехе – кровь грешников на его совести.

Образный мотив стража, грядущего меча, остроты пророческого слова развивается Конисским в образе «острого оружия» – слова Божьего, – которое «проходит до глубины сердца» его. Георгий не дерзает сравнивать себя с пророком ни «в пророческих дарованиях его», ни «в добродетельном житии», но что касается должности, то и у древнего пророка, и нового епископа она одна и та же – быть бдительным и неусыпным стражем Церкви Христовой, трубить «благочестивому сословию белорусскому». Подтверждение сказанному Конисский находит в лексическом значении самого греческого слова «епископ», обозначающего «надзирателя, блюстителя, стража». При этом он полагает, что было бы полезнее, если бы каждый епископ именовался бы «своим отечественным, ясным всякому, словом».

Наиболее полное воплощение истинного епископства проповедник усматривает в фигурах Отцов Церкви первых веков христианства. Он упоминает Афанасия Великого из Александрии, Василия Великого из Каппадокии, Иоанна Златоустого из Константинополя, Кирилла, Григория, Феодорита, Евсевия, Епифания, Амвросия, Августина, Дамаскина, Феофилакта, которых называет «вселенскими учителями, богогласными трубами, златыми устами», «столпами веры, утверждением истины, поборниками благочестия», стражами, спасавшими церковь от ересей и расколов. Язык и перо истинного епископа Конисский сравнивает с «перуном», т. е. молнией, разметавшей «плевелы и нечестие» (Афанасий и ересь Ария), с оружием более грозным, нежели воинское (Василий и Юлиан отступник), со светом, сияющим ярче небесного солнца (Иоанн) [1, с. 55–56].

В их деятельности, как и в призвании современных епископов, Конисский видит прямую апостольскую преемственность, лежащую в основе всего догматического и канонического строя Православия. То, что дело проповеди было у апостолов «не токмо должное, но и всегдашнее», архиерей доказывает на примере деятельности Апостола Павла. И как бы ни был талантлив и красноречив проповедник, благовествует он, по мнению Георгия, не по «собственной охоте», не ради «какого-либо воздаяния или похвалы», но во исполнение особого неуплаченного долга, лежащего на «вые епископской», за неуплату которого со «стража-епископа» взыскивает Господь. При этом Конисский замечает себе как епископу, что дело проповеди далеко не ограничивается праздничными и воскресными речами к пастве в соборе, но является ежедневной и еженощной заботой о поучении каждого пасомого с настоянием, со слезами, с обличением и запрещением, с молением и «со всяким долготерпением и учением» [2 Тим. 4, 1–2]. Так проповедник снова возвращает слушателя к пророческим словам Иезекииля и повторяет их уже не как тезис своей речи, но как обоснованный ее вывод.

Архиерей сокрушается о тяжести возложенной на него ответственности, содрогается от мыслей о возможном наказании, боится суда, на котором Истцом и Судьей выступает Сам Творец, и хотел бы «убежать» от высокого звания, но подчеркивает, что от воли Творца никто не может сокрыться даже на дне морском (образ Ионы в утробе китовой), а поэтому смиряется и заключает: «Убо якоже изволися Господеви, тако и мне да будет!» [1, с. 58].

После того, как подлежащее дело епископское разъяснено слушателям, Конисский обращается непосредственно к пастве, и заранее, зная человеческую психологию, просит у людей прощения за то, что он как верный страж не станет молчать, обличая «нравы и действия». А помимо прощения за острое слово, он просит еще и внимания к нему, свидетельствуясь «Богом живым», что не станет говорить глупостей – «басней и вымыслов человеческих» – и не будет устраивать бесплодных прений, но постарается проповедовать как пророк только то, что услышит от уст Бога.

Завершает Конисский свою проповедь традиционным молитвенным обращением ко Христу, которое в эмоционально-стилистическом отношении становится заключительным торжественным аккордом блистательной речи. В смысловом плане оно не только закрепляет в умах слушателей впечатление от нравственных поучений, но и вновь обращает умы собравшихся к молитвенному состоянию, при котором христиане имеют сердца «горе» (от слова «гора», т.е. вверх, к Небу, к Свету, к Богу), поскольку проповедь является составной частью храмовой службы: «Впрочем, в назидании дела моего Епископскаго, к Тебе, о Иисусе Христе, вечный Архиерею душ наших, очи и сердце мое возвожу, и молю Тя, даждь мне уста поучати, а людем сим уши и сердца, внимати и поучатися. Язык мой да будет *трость книжника скоротисца* (Псал. 44, 2), а сердца их – скрижали, перстом Твоим написанья. Сам страж буди нам, охраняя нас яко зеницу ока. Сам возвещай нам волю Твою. Сам отвращай нас от пути неправды, направляя на путь истины Твоея. Ты положил еси, Господи, святейшую кровь Твою о душах наших: сотвори убо, да ни

едина душа погибнет, да ни единой крове взыщется от рук моих! – Аминь» [1, с. 58–59].

Для художественного строя проповеди белорусского епископа характерны многократные обращения к себе во втором лице («затверди и запечатлей, о, Епископе! чем ты Богу, чем ты людем Его сим должен еси»; «здесь, о, Епископе, замей себе...» [1, 54, 56]), прямые обращения к слушателям («Страж убо твой есмь, о доме Израилев, о Церковь Христова! Вам трубити поставлен я, о благочестивое сословие белорусское!» [1, 55]), восклицания («о! уши мои... о! разум мой и сердце»; «Ах! стократно несчастен тот человек, на которого Сам Бог истец есть», «О, тяжкое епископское бремя! О, несчастливыя руки, от коих Богу крови душ человеческих взыскивать надлежит» [1, с. 54, 57]), риторические вопросы («Кто сему не доверяет, пусть раскроет историю о житии и подвигах святителей первых христианских веков. Как они звание свое проходили? Спали или молчали? Одними только молитвами и постановлением пресвитеров занимались? Ах, не так, не так!» [1, с. 55]).

Конисский широко использует обратный порядок слов, сложные синтаксические конструкции, которые тем не менее (и это обстоятельство в особенности ярко отличает проповеди Конисского, обращенные к рядовым прихожанам, от его речей, адресованных монархам) не затрудняют восприятие «Слова» простым человеком. Украшательство в виде развитой символики, множества эпитетов и сложных сравнений не преломляется в витийство и «плетение словес». Художественная форма у Конисского несет функциональную нагрузку и значима только в том случае, когда способствует прояснению смысла высказывания.

Конисский активно цитирует Священное Писание, причем подходит к этому творчески, изменяя в контексте своего высказывания некоторые слова и формы слов, реже их порядок. С точки зрения автора, это оправдано, поскольку он вещает не только о «букве», но прежде всего, о «Духе Закона». Проповедь Конисского – это не «богословский трактат, не урок по катехизису: она относится не к области риторики, но к области аскетики, т. е. внутреннего настроения души говорящего» [2, с. 172]. Именно поэтому она настолько эмоциональна и выразительна.

Уже первая проповедь Георгия в Могилеве обнажила перед паствой особенное благородство жизненных идеалов Свяителя, героически сменившего благополучный Киев на разоренную белорусскую Епархию. Ни единым словом Конисский не оговаривается о сложнейшей церковной и политической ситуации, поскольку главной для него остается лишь одна проблема – духовно-нравственное состояние человека. Эта поразительная высота просветительских устремлений Конисского будет реализована в его сорокалетнем служении белорусскому народу, снискавшем ему не только славу проповедника, но и венец христианской святости.

Список литературы

1. Слова и речи Георгия Кониссаго, Архиепископа Могилевскаго. – Могилев-на-Днепре : Скоропечатня и литография Я.Н. Подземскаго, 1892. – 470 с.
2. Митрополит Антоний (Храповицкий). Пастырское богословие. – Свято-Успенский Пеково-Печерский монастырь, 1994. – 325 с.